

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Астролябия судьбы

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Александрова, Наталья.
А46 Астролябия судьбы : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-127419-1

Согласно легенде, древний ученый Аль-Магриби изобрел удивительный прибор астролабон. С его помощью можно было не только определять точное астрономическое время и координаты небесных светил, но и переноситься во времени и пространстве. Современники Аль-Магриби отнеслись к удивительному прибору с понятным недоверием, а вскоре ученый исчез и о нем все забыли. Ведь трудно поверить в то, что не поддается разуму.

Так думала и питерская домохозяйка Надежда Лебедева, пока не оказалась причастной к серии странных краж, которым поначалу не придавала значения. Однако когда в ее доме поселился странный жилец, изысканный только цифрами, она поняла, что это ключ не только к преступлениям, но и к постижению тайного знания.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127419-1

© Н. Александрова, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

— Откуда берется пыль? — горестно спросила Надежда.

Вопрос был риторический, поскольку в комнате, кроме нее, находился только рыжий кот, который спокойно умывался на диване. Надежда и не ждала от него ответа.

— Говорят, что из космоса, — вздохнула она, — говорят, что пыль — это частицы разрушенных миров, но что-то я не верю, чтобы в нашу квартиру она прямо из космоса попадала. Вчера только пылесосила — и вот опять. Да еще шерсть...

Кот правильно понял насчет шерсти и тут же посмотрел из-под лапы с легким презрением — что ж ему, наголо обриться, что ли? Надежда присела рядом и почесала его за ухом, причем кот принял ласку неохотно и даже недовольно мурлыкнул — не вовремя твои приставания, не видишь, что кот делом занимается?

Надежда Николаевна Лебедева была неглупой и самокритичной, а одним из положи-

тельных ее качеств считалось умение посмотреть на себя со стороны. Что она и сделала сейчас, сидя на диване в собственной квартире. И увидела женщину, которой безумно скучно и неохота заниматься домашним хозяйством. Вот именно, вся эта неблагодарная работа ее достала. Причем давно.

Уже больше двух лет прошло, как Надежда уволилась из института, в котором проработала лет двадцать. Муж твердо и решительно заявил, чтобы она и не думала искать другую работу, мол, он неплохо зарабатывает и вполне в состоянии создать приемлемые условия для любимой жены и любимого кота.

Так получилось, что жили супруги Лебедевы сейчас вдвоем, дети, у которых были уже свои дети, проживали отдельно. Надежда не сразу согласилась с Сан Санычем, но муж был настойчив. И вроде бы все шло неплохо, свободного времени у Надежды оставалось мало, поскольку нужно было то в парикмахерскую, то по магазинам, то родственникам помочь, но оказалось, что совершенно нечем занять голову.

А голова — это такой орган, что если она не работает, то мысли в ней возникают совершенно ненужные. Так и у Надежды появились мысли, что она — никчемный человек, придаток к пылесосу и стиральной машине, что все знакомые смотрят на нее свысока, потому как они заняты серьезным делом, и только Надежда совершенно не востребо-

вана, даже с внучкой Светланкой по музеям не ходит, так как внучка далеко. И отныне удел Надежды — это домашнее хозяйство, то есть уборка, готовка и так далее (см. выше).

В общем, глупые мысли, и тысячи женщин с удовольствием поменялись бы с ней местами, ведь не нужно думать о деньгах, тащиться каждое утро на опостылевшую работу, опасаться начальства... В моменты просветления Надежда и сама это понимала, но ничего не могла с собой поделаться и, отчищая в который раз ковер от рыжей кошачьей шерсти, думала о своей никчемности.

Причем от природы она вовсе не была ленивой и, разумеется, квартиру содержала в порядке, и каждый вечер мужа ждал дома вкусный ужин, а каждое утро — свежесглаженная рубашка, но, черт побери, как же все это ей надоело!

Кот закончил умываться, потоптался немало на диване, устраиваясь поудобнее, и сладко заснул.

— Ох, Бейсик, мне бы твои заботы! — вздохнула Надежда.

И снова расстроилась — ведь дала себе слово не вздыхать и не охать, она была твердо убеждена, что возраст прибавляет не лишняя морщинка, а нытье, жалобы на жизнь и мрачное выражение на лице. Поэтому она решила пройтись, а заодно купить в пекарне на углу свежего хлеба. Возможно, что пыль за это время сама осядет.

На улице сегодня было тепло — вторая половина апреля, снег давно стаял, травка на газонах зеленая, только деревья еще стоят голые. Надежда оделась попроще, но все же тщательно накрасила губы и причесалась.

У подъезда никого не было, так что Надежда, не задерживаясь, миновала детскую площадку, затем свернула на узкую асфальтовую дорожку. Сквер не сквер, но несколько деревьев, кустики и пара скамеек. На одной кто-то сидел. Ах да, это новый жилец, тот самый инвалид с сиделкой. Надежда была с ними незнакома, так что, проходя мимо, слегка кивнула, и тут женщина ее окликнула:

— Простите...

— Да? — против воли Надежда замедлила шаг.

— Вас ведь Надежда зовут? — несмело спросила женщина. — Простите, не знаю вашего отчества.

— Можно без отчества... — машинально ответила Надежда.

— Я вас в подъезде видела, — женщина заговорила бодрее, — мы наверху, на девятом этаже, в двухкомнатной...

— Я знаю, — кивнула Надежда, — вы недавно въехали.

— Ага, я Вера, а это... это Виталий Андреевич. — Вера повернулась к своему подопечному, который безучастно смотрел прямо перед собой. — Надя, у меня к вам просьба. Пожалуйста, посидите здесь на лавочке минут

десять, а я в магазин сбегая. Понимаете, — заторопилась она, — мне только за молоком и сметаной. Там, в фермерском магазине, молоко разливное привозят под заказ. И если я не приду, его другим отдадут. И сметана там очень хорошая. А с ним идти... — она кивнула на Виталия Андреевича, — себе дорожке, он ходит медленно. Я вас очень прошу!

— Но он... — Надежда опасливо попятилась, — как бы это...

— Он не агрессивный совсем! — Вера замахала руками. — Будет тихонько сидеть, просто если его с собой вести, то люди шарахаются, опять же он плохо ходит... Надя, я вас очень прошу, всего десять минут, я только туда и обратно!

Сиделка совершенно правильно истолковала сомнение в Надежных глазах, подхватила хозяйственную сумку и убежала.

Надежда проводила женщину взглядом. Вот как мешает жить интеллигентность! Не умеет она говорить «нет». И из-за этого придется теперь сидеть с этим... как бы помягче выразиться... не совсем адекватным человеком. К счастью, он хотя бы не агрессивен... ну ладно, надо все же помогать людям...

Хотя кто сказал, что он спокойный? Надежда эту Веру знать не знает, может, она и соврала. И вообще, чем он болен-то? Вдруг припадочный, и если сейчас хлопнется на дорожку и начнет корчиться, Надежда и понятия не имеет, что будет делать. А вдруг Вера

не вернется? Подсунула ей инвалида, а сама сбежала. И Надежда тоже хороша, хоть бы номер телефона у нее спросила.

Надежда взглянула на Виталия Андреевича. Выглядел он не очень. Болезненно худой, так что одежда висела на нем, как на вешалке. Однако одежда чистая, аккуратная, так что Вера, видимо, не зря свои деньги получает. Волосы чуть растрепаны, плохо подстрижены. Ну ясно, она сама его стрижет как придется. Зато выбрит довольно чисто и ногти подстрижены. Ну что ж, это ее работа.

Надежда посмотрела на часы, вздохнула, снова взглянула на Виталия Андреевича.

И сразу встретила его взгляд.

В этом взгляде не было ни горячечного безумия, ни тупого безразличия. Напротив, в нем светился несомненный ум. Мужчина смотрел на Надежду Николаевну внимательно и озабоченно, губы его кривились, словно он хотел сказать ей что-то важное.

А потом он действительно заговорил — тихо, вполголоса, словно по секрету. Он говорил так тихо, что Надежда поначалу не расслышала его, она придвинулась, чтобы разобрать слова.

— Семь... восемь... девять... — проговорил Виталий Андреевич, как будто сообщил Надежде какую-то тайну.

— Что?! — удивленно переспросила Надежда.

— Десять! — ответил он взволнованно, как будто боялся, что она его не расслышит или неправильно поймет. — Одиннадцать! Двенадцать тридцать три!

При этом руки его взлетели в каком-то странном, беспокойном жесте, как будто он дирижировал невидимым оркестром.

— Не понимаю... — Надежда удивленно заморгала и на всякий случай немного отодвинулась.

Но Виталий Андреевич придвинулся ближе и снова заговорил, взволнованно и торопливо, как будто боялся не успеть:

— Тринадцать! Четырнадцать! Пятнадцать! Шестнадцать! Двенадцать тридцать три!

На этот раз Надежда промолчала — все равно ничего осмысленного от него не добьешься. Больной человек, этим все сказано. Она решила немного подыграть Виталию Андреевичу, чтобы он успокоился.

— Да, вы правы... — проговорила она мягким, успокаивающим голосом. — Вы совершенно правы, только не надо так волноваться. Успокойтесь, Вера скоро придет.

Он и правда немного успокоился, сложил руки на коленях, как прилежный ученик, и проговорил внушительно, твердо, как будто излагал символ веры:

— Семнадцать. Восемнадцать. Двенадцать тридцать три. Девятнадцать. Двадцать.

— Да где же Вера? Обещала всего на десять минут... — проговорила Надежда озабоченно и раздраженно и снова взглянула на часы, а потом огляделась по сторонам.

Ну прямо как чувствовала, что ничего хорошего из этого не выйдет... Надо все-таки проявлять твердость... надо научиться говорить «нет»...

А Виталий Андреевич снова потянулся к ней и доверительно прошептал в самое ухо:

— Двадцать один. Двадцать два. Двенадцать тридцать три.

И тут на дорожке показалась Вера. Она шла торопливо и была явно обеспокоена.

— Ну, как он? Прилично себя вел?

Надежда покосилась на Виталия Андреевича. Он ответил ей очень выразительным, осмысленным взглядом, причем Надежда была готова поклясться: этим взглядом он выражал надежду на то, что все им сказанное останется между ними. Казалось, Виталий Андреевич хочет поднести палец к губам, но руки не слушались, они жили самостоятельной, независимой от него жизнью. Он провел руками по брюкам, словно пытался собрать что-то мелкое, потом погладил скамейку, как будто она была одушевленным существом, потом потряс руками, избавляясь от налипшей на них невидимой паутины.

— Да, конечно... можете не беспокоиться... — машинально ответила Надежда на этот красноречивый взгляд и добавила го-

раздо громче, уже для Веры: — Отлично, мы очень мило поговорили...

— Поговорили? — переспросила Вера, и в ее глазах мелькнул испуг.

Или это Надежде только померещилось?

— Да шучу, конечно, шучу! — успокоила ее Надежда. — Посидели рядышком... Он спокойный...

— Ой, спасибо вам большое! — Вера выдохнула с явным облегчением. — Вы меня так выручили! — И показала торчащую из сумки бутылку с молоком.

— Мы же соседи, а соседи должны друг друга выручать! — ответила Надежда глубокомысленно. — Ну, я, пожалуй, пойду, дел много... Обед готовить нужно... и тоже вот по магазинам...

Отойдя на несколько шагов, Надежда подумала, что зря сказала насчет помощи соседям. Этак Вера начнет теперь часто обращаться. А вообще-то это ей за работу деньги платят, так что должна сама управляться, тем более что ее подопечный и в самом деле неагрессивный, на людей не нападает.

Перед Надеждой еще долго стояло лицо Виталия Андреевича — озабоченное, взволнованное... Не дай бог лишиться разума! Как говорил Пушкин: «Не дай мне бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума; нет, легче труд и глад...» Но Виталия Андреевича, пожалуй, никто не назвал бы сумасшедшим. У него не безумно вытаращенные глаза, он

не орет жутко, ни на кого не бросается... Посторонний человек, увидев его сидящим на лавочке, ничего не заподозрил бы. Мало ли человек в одну точку смотрит — задумался о своем, да и все тут.

Может ли быть так, что разум у него сохранился, только заключен в клетку его тела и не может вырваться наружу, не может достучаться до окружающих, донести до них что-то важное?..

Пустое, тут же опомнилась Надежда. Из чего она делает такие выводы? Из того, что этот человек вдруг заговорил? Так Вера не сказала, что он немой, так что нечего удивляться.

Надежда вспомнила, как Виталий Андреевич произносил бессмысленные цифры таким тоном, как будто это важная информация, от которой зависит человеческая жизнь...

И вот еще что интересно. Он произносил цифры по порядку, но через какие-то промежутки повторял одно и то же число... точнее, два числа: двенадцать тридцать три... Должно быть, в этих четырех цифрах для него был заключен какой-то особый смысл. А возможно, что и нет никакого смысла, просто болтает, что в голову взбредет. А что уж там в его больной голове, один Бог знает.

Надежда решила, что невозможно проникнуть в мысли душевнобольного и не стоит тратить на это время. Лучше провести его с пользой.

Она прошла по маленьким магазинчикам у метро, купила сметану, помидоры и свежий хлеб. Выпила чашку кофе в той же пекарне и отправилась домой, посчитав, что развеяла скуку.

Дома Надежда достала из холодильника замороженный фарш и поставила его на разморозку в микроволновую печь. Она решила приготовить не банальные котлеты, а замечательное блюдо под названием «фальшивый заяц», рецепт которого позаимствовала у матери. Но только Надежда выбрала нужный режим, цифры на табло микроволновки мигнули и погасли.

— Да что же это такое! — воскликнула Надежда в сердцах. — Неужели микроволновка сломалась? Совсем же новая, месяца не прошло, как купили!

Но, открыв дверцу холодильника, она увидела, что он тоже не работает. Скорее всего в квартире отключилось электричество. Будучи по душевному складу и основной профессии инженером, Надежда проверила эту гипотезу еще одним экспериментом — щелкнула выключателем. Свет не загорелся, что вполне однозначно подтвердило гипотезу.

Надежда вышла на лестничную клетку, где находился щиток с предохранителями. Разумеется, за ней увязался кот — ему всегда хотелось находиться в гуще событий, он боялся упустить что-нибудь интересное.